

На правах рукописи

Роговцева Александра Сергеевна

**Контркультурный протест «долгих шестидесятых» в США как
национальный и трансатлантический феномен**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. –
«Всеобщая история»

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре американских исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель: **Журавлева Виктория Ивановна**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Кубышкин Александр Иванович**
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук, профессор

Шмелев Дмитрий Викторович
доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра всеобщей и публичной истории, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук» (ИВИ РАН)

Защита состоится 27 марта 2026 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01 по историческим наукам, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». Адрес: Миусская пл., д. 6, стр. 6, Москва, 125047.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/rogovtseva-aleksandra-sergeevna.php>

Автореферат разослан «   » _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Барышева Елена
Владимировна

Актуальность исследования

Под «долгими шестидесятыми» понимается эпоха политических, социальных и культурных трансформаций с середины 1950-х до начала 1970-х гг., характеризующаяся ростом молодежного протеста. Он проявлялся как в движении «Новых левых», которые делали ставку на политический активизм, так и в контркультурных практиках, ориентированных на создание альтернативного образа жизни вне рамок господствующих норм. Несмотря на то, что представители контркультуры не добились радикальных общественно-политических перемен, они заложили основу для последующих сдвигов в сфере гендерных отношений, творчества, экологического мышления и повседневных практик самовыражения. Особое значение в тот период приобрел трансатлантический трансфер идей, поскольку Соединенные Штаты как родина контркультур «долгих шестидесятых» оказали существенное влияние на британский андеграунд и одновременно испытали его обратное воздействие. Это способствовало формированию общего англо-американского культурного пространства. В свою очередь, континентальная модель, прежде всего французская, отличалась высокой степенью политизации, что вывело её за рамки исследовательского замысла данной диссертации.

Общепринятые в современном западном обществе культурные, экологические и гендерные нормы, ранее связанные с нонконформизмом, обуславливают необходимость исследования истоков контркультурных движений с учетом определённого исторического контекста и их роли в формировании ценностной основы современного общества.

Степень изученности темы

Тема исследования требовала обращения к различным историческим контекстам: политическому и социально-экономическому развитию США и Великобритании после Второй мировой войны а также протестным движениям 1960-х гг. и эволюции контркультуры, что и определило структуру историографического обзора.

В *первую группу* вошли работы, посвященные внутривнутриполитическим процессам в США и Великобритании в период «долгих шестидесятых», изучение которых позволило понять причину поколенческого конфликта и особенностей формирования молодежной идентичности. Среди публикаций по США следует выделить литературу по маккартизму (И. М. Супоницкая, Х. Рен Тан, Т. Ванг, Е. Шрекер), а также по проблеме сегрегации и расовой дискриминации (Д. Мэйси,

Н. Дентон, Р. Ротштейн). Значительный вклад в осмысление молодежной «отчужденности» и истоков нонконформизма в США внесли исследования по социологии и психологии (К. Кеннистон). В литературе, посвященной Великобритании, значительное внимание уделялось общественно-политическому и экономическому положению страны в послевоенный период (П. Кларк, Т. Мэй, Э. Марр). Поскольку значительная часть представителей андеграунда происходила из рабочих районов и боролась против устоявшихся классовых порядков, особое значение имели исследования, нацеленные на изучение положения рабочего класса: феномена «состоятельного рабочего» (Дж. Голдторп, Д. Локвуд), а также влияния массовой культуры и «общества изобилия» на идентичность «бесклассовой молодежи» (Р. Хоггарт, Р. Коул).

Во *вторую историографическую группу* вошли работы о «долгих шестидесятих» как эпохе протестов, в том числе посвященные нонконформистским движениям в трансатлантическом контексте.

В советской историографии основной акцент делался на политических аспектах нонконформизма. Движения трактовались как проявление кризиса буржуазного общества (М. Стуруа, А. Брычков, С. Иконникова, И. Лаврецкий, В. Большаков). Проблематика исследования расширилась и обогатилась в теоретико-методологическом плане лишь после окончания холодной войны. Историков интересовала роль университетов в развитии молодежной протестной активности и их взаимодействие с институтами гражданского общества (А. Кубышкин), идеология студенческих организаций (О. Бодров, И. Храмов), а также протест в трансатлантическом контексте (О. Пленков).

В отличие от российской историографии, американские исследователи изучали нонконформизм как часть масштабной трансформации общества в затрагиваемый период. Среди обобщающих трудов по истории нонконформизма в США следует обратить внимание на работы, в которых изучались ключевые аспекты общественно-политической и культурной жизни страны – от кризисов «тихих 1950-х» до массовых протестов и их последствий (Д. Фарбер, К. Стрейн, Т. Андерсон). Значительный интерес для понимания британского контекста представляли исследования о «свингующих шестидесятих» – эпохе студенческих и антивоенных движений, а также о таких культурных феноменах как «Тропа хиппи» и «Британское вторжение» (Дж. Грин). «Долгие шестидесятые» в трансатлантическом контексте также стали предметом внимания исследователей.

Р. Вайнен охарактеризовал рабочие и студенческие движения в США и в Европе. А. Марвик и Р. Дункан акцентировали внимание на культурных аспектах социальных трансформаций в указанный период.

В *третью историографическую группу* были включены исследования, посвященные контркультуре как социальному и культурному феномену. В советской науке эта тема оставалась на периферии, поскольку «аполитичное крыло протеста» либо игнорировалось вовсе, либо рассматривалось как девиантное явление (Ю. Давыдов, И. Федорова, И. Громова, А. Байчоров).

В американской же историографии особое внимание уделялось не только описанию форм и проявлений контркультуры (М. Мартинес, Н. Циммерман), но и осмыслению ее идейных и философских основ. Так, контркультура, отражавшая личные мотивы участников, трактовалась как система протеста против доминировавших норм (Дж. Ингер), или как единое пространство протестных практик – от музыки и моды до политического радикализма (Д. Россиноу). В свою очередь, Т. Роззак сделал объектом анализа критические рефлексии представителей контркультуры по поводу технократического общества, их отказ от потребительских и конформистских ценностей и обращение к альтернативным моделям жизни, основанным на коммунализме, духовности и экологичности.

В случае с британским андеграундом основной акцент делался на социальных трансформациях, породивших молодежные движения (Центр современных культурных исследований, Д. Хебдиге). Важную роль в изучении британского контркультурного протеста сыграло исследование Б. Майлза, представляющее собой хронику британского андеграунда, где показано, хотя и в несколько фрагментарной форме, влияние американской контркультуры на формирование британского движения.

Четвертая историографическая группа объединила работы, посвященные отдельным контркультурным движениям в США и Великобритании.

В то время как в советской и российской исторической науке битники не вызывали особого академического интереса, в США исследователи трактовали это контркультурное движение как отражение масштабных сдвигов в обществе середины XX в. Пристальное внимание уделялось гендерному и расовому измерению движения (К. Кармона, Р. Ли), его связи с традициями американской богемы (Н. Петерс) и с «ренессансом Сан-Франциско» (М. Дэвидсон). Важным

вкладом в понимание трансатлантического измерения бит-культуры стала работа, посвященная пребыванию битников в Париже (Б. Майлз).

Движение хиппи в советской историографии трактовалось так же, как и контркультура в целом – сквозь призму кризиса буржуазного общества и воспринималось как идеологическая ловушка для западной молодежи (Э. Розенталь). Интерес современных российских исследователей вызвала культурная и художественная составляющая движения хиппи (О. Бодров, А. Закиров). В американской историографии проблематика изучения данного движения фокусировалась на философских, религиозных и культурных исканиях хиппи, а также их влиянии на общество, начиная с 1960-х гг. вплоть до наших дней (С. Стоун). Кроме того, рассматривалась преемственность между литературой битников и хиппи (С. Макфарлейн), превращение контркультурного образа в элемент массовой культуры (А. Джони, М. Ислам и др.), а также социальные практики коммуны «Диггеры» (М. Дойл).

В свою очередь, «разгневанные молодые люди» в Великобритании рассматривались в зарубежной историографии преимущественно как литературное движение (Х. Карпентер), в то время как тедди-бои стали объектом более комплексного анализа: исследователи обращали внимание на эволюцию движения, начиная с 1950-х гг. вплоть до современности (Р. Феррис, Дж. Лорд, М. Дешарне), на его визуально-эстетические особенности (М. Циммерман) и маргинализацию в конформистском дискурсе (Р. Кросс). Движение модов (К. Фельдман) рассматривается как феномен, оказавший значительное влияние на молодежные сообщества Европы и США, где стиль, музыка и формы досуга стали одновременно выражением культурного сопротивления и объектами коммерциализации.

Подводя итог историографическому обзору, следует подчеркнуть, что поскольку основное внимание исследователей было сосредоточено на студенческих и рабочих движениях, до сих пор отсутствует комплексное исследование контркультур в едином пространстве «тихих 1950-х» и «бурных 1960-х» с учетом трансатлантического трансфера идей и практик. Кроме того, недостаточно изученными остаются вопросы зарождения, трансформации и влияния контркультурных идей на переформатирование национальной идентичности в определенном историческом контексте.

Объект исследования – трансфер американской контркультуры как референтной модели повседневного протеста в Великобританию.

Предмет исследования – американско-британский контркультурный дискурс протеста во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг.

Цель исследования – на основе компаративного анализа и исследовательских практик конструктивизма определить степень влияния американской контркультуры на социально-политические процессы в США и формирование британского андеграунда с учетом исторической повестки развития стран, особенностей кризиса национальной идентичности, культурного трансфера и реверсивных процессов.

Для достижения поставленной цели следовало решить следующие исследовательские задачи:

- выявить совокупность политических, социально-экономических и личностных факторов, оказавших влияние на формирование молодежной «отчужденности» в США и Великобритании, которая впоследствии трансформировалась в контркультурное мышление;
- на примере мировоззрения битников и хиппи представить комплексную характеристику американской контркультуры как системы с характерным для нее репертуаром смыслов и символов;
- охарактеризовать британский андеграунд до начала трансатлантического трансфера с целью выявления его особенностей как феномена национальной контркультурной традиции отличной от американского образца;
- исследовать механизмы транснационального влияния американской контркультуры на британское общество с учетом политической и социокультурной специфики развития Великобритании в указанный период и существовавших к тому времени андеграундных движений;
- сформировать контркультурную сеть акторов, вовлеченных в создание, переосмысление и тиражирование идей как внутри США, так и в трансатлантическом контексте.

Хронологические рамки исследования охватывают период «долгих шестидесятих». Нижней хронологической рамкой выбран 1955 г. – год первых контркультурных поэтических чтений в Сан-Франциско, условно положивших начало альтернативному культурному движению. Верхняя граница, 1973 г., обусловлена как реальными политическими и социальными изменениями (вывод

американских войск из Вьетнама, спад протестной активности), так и символическим осмыслением завершения эпохи.

Для комплексного анализа контркультуры в ее исторической динамике автор привлекла материалы, выходящие за хронологические рамки «долгих шестидесятих», рассмотрев более ранние формы молодежной отчужденности вплоть до 1940-х гг. Так, в качестве пролога выделен «нью-йоркский» этап (1943–1954 гг.), заложивший основы последующего контркультурного развития. Завершающий параграф содержит краткий обзор современных проявлений контркультурного наследия.

Источниковая база диссертации

К *источникам официального происхождения* относятся законодательные акты, выступления представителей власти, содержавшие официальную оценку контркультуры, а также стенограммы судебных процессов, связанных с деятельностью представителей контркультурных движений. Использование этих источников позволило автору рассмотреть официальный общественно-политический ответ на проявления нонконформизма и проследить, каким образом официальная риторика и правовые механизмы оказывали влияние на формирование образа контркультуры как маргинального явления.

Источники личного происхождения представлены мемуарами, дневниками и автобиографиями лидеров контркультурных движений, например, поэта А. Гинзберга, музыканта Дж. Денсмора, журналиста и члена коммуны «Веселые проказники» Т. Вулфа, членов музыкальных групп “The Rolling Stones” и “The Beatles”. Эти источники использовались в диссертации для реконструирования внутреннего мира представителей контркультур и характеристики идейной основы их мировоззрения. Особое место занимает личная переписка, которая не только дополнила мемуары, но и позволила верифицировать их содержание. В исследовании проанализированы письма У. Берроуза, А. Гинзберга, Дж. Керуака и Н. Кэссиди. В отдельную подгруппу источников личного происхождения объединены интервью в журнале “Rolling Stone”, беседы с У. Берроузом, А. Гинзбергом и другими битниками. Эти источники личного происхождения позволили зафиксировать биографические факты и отношение самих представителей к контркультурным движениям.

В *публицистику и труды современников* вошли тексты и эссе тех, кто общался с контркультурной элитой, но не принадлежал к ней. Оптика аутсайдеров

позволила не только реконструировать мировосприятие, характерное для той исторической эпохи, но и проследить изменения контркультурных идей с точки зрения сторонних наблюдателей. Среди американских текстов особую ценность представляли свидетельства Т. Гитлина – одного из лидеров организации «Студенты за демократическое общество», а среди британских – работа Дж. Наттала, где он описал процесс построения идентичности андеграундных сообществ.

Важную для решения исследовательских задач группу источников представляли *периодические издания*. Благодаря анализу информации, опубликованной в газетах и журналах, удалось проследить развитие контркультурных и конформистских установок в публичном пространстве, а также понять различия между «официальной» и альтернативной медиариторикой. В число британских периодических изданий, использованных в диссертационном исследовании, вошли газеты “Times”, “Birmingham Daily Post”, “Daily Mirror”, “Evening Standard”, “Peterborough Advertiser”, “Shields Daily News”, “The Sphere”, “Sussex Agricultural Express”, а также журнал “The Spectator”. В качестве примеров неконформистских изданий были привлечены журналы “Honey” и “London OZ”. Американская конформистская медиасфера представлена газетами “New York Times”, “Washington Post”, “Los Angeles Times”, “San Francisco Chronicle”, “San Francisco Examiner”, “Saturday Review”, а также журналами “Time”, “Life, и “The Reporter”. В противовес им в исследование включены неконформистские журналы – “Mad Magazine”, “Ramparts”, “National Screw”, “Playboy” и одна из главных контркультурных газет Западного побережья – “San Francisco Oracle”.

Источниковая база диссертации также включает материалы *социологических опросов* 1950–1970-х гг., без которых была бы невозможна реконструкция общественных настроений, отношения молодежи и старшего поколения к ключевым ценностям своего времени и степень распространения контркультурных установок. В случае США использовались опросы по проблемам внешней политики (Война в Корее, Карибский кризис, Война во Вьетнаме), проведенные компанией “Gallup”. Особый интерес в рамках заявленной темы представляют опросы, напрямую связанные с контркультурой – «война с наркотиками», легализация марихуаны, музыкальные фестивали. В случае Великобритании привлекались результаты опросов компании “Gallup”, охватывающие широкий спектр проблем – от внутривнутриполитической борьбы и реформ до

внешнеполитических приоритетов, включая отношения с США и роль Британского Содружества.

В отдельную группу источников выделена *художественная литература*, созданная представителями контркультуры: битниками, хиппи и «разгневанными молодыми людьми». Литературные источники представляют особую ценность, для решения исследовательских задач, поскольку они основаны на личном опыте, отражают мировоззрение авторов и позволяют проследить процесс превращения индивидуального опыта в манифест литературного и повседневного протеста.

Особый интерес для решения исследовательских задач представляли *визуальные* (графика и комиксы) и *аудиовизуальные источники* (художественные фильмы), позволившие проследить, то, как через визуальную культуру формировался карикатурный образ битников, хиппи и тедди-боев как асоциальных элементов.

Теоретико-методологическая база диссертации

Диссертационное исследование имеет междисциплинарный характер, формируясь на стыке истории, социологии, филологии, культурологии и антропологии. Оно опирается на общенаучные и историко-описательные методы, а также принцип историзма, позволяющий рассматривать контркультуру в контексте эпохи «долгих шестидесятых». Конструктивистский подход используется для анализа контркультуры как самостоятельной системы со своими структурами и смыслами.

К *историческим методам* исследования относятся: историко-генетический, позволивший проследить эволюцию контркультурных движений в США и Великобритании в контексте «долгих шестидесятых»; историко-типологический, использовавшийся для анализа фрагментации контркультуры, в том числе ее условного деления на «элиту» и остальных участников; историко-системный, привлекавшийся для изучения контркультуры как альтернативной модели общественного устройства со своей внутренней логикой, принципами построения и способностью к адаптации в различных условиях; историко-сравнительный, необходимый для сравнительного анализа американской контркультуры и британского андеграунда.

Конструктивистский подход позволил рассматривать контркультуру как «внутреннего Другого», альтернативного доминирующему «Я». При этом, если контркультурные движения конструировали идентичность через протест против

господствующих норм, то конформисты задавали рамки «приличия», глядя на хиппи, битников или тедди-боев.

Важной частью исследования стала конструктивистская *теория «установки и окружающей среды»* (“set and setting”), предложенная одним из самых ярких представителей контркультуры Т. Лири, согласно которой восприятие психоделического опыта зависело от психологического и физического состояния человека, а также от его окружения, включая социокультурный контекст. Автор диссертации исходила из того, что формирование нонконформистских идей также определялось не только коллективными факторами и историческим контекстом (холодная война, Война во Вьетнаме), но и индивидуальными переживаниями – угрозой призыва, утратой близких, чувством одиночества. Применение данной теории позволило выявить социальные и психологические предпосылки нонконформизма, объяснить различие реакций на кризисы в зависимости от биографии участников движения и дополнить анализ личностным измерением, раскрывающим контркультуру как пространство травмы, тревог, поиска и протеста.

Диссертационное исследование велось в диалоге с концепцией *«поколения долгих шестидесятых»* или *«поколения 1968 г.»* (Ж. Може, Х. Хамон и П. Ротман, Д. Макадам, Дж. Пажи), рассматривающей молодежный активизм через призму его влияния на жизненные траектории участников. Поскольку существующие исследования в большей степени сосредоточены на изучении «Новых левых», вне поля зрения оставались практики повседневного протеста и процесс выпадания (“dropping out”) из доминирующей социальности. Автор диссертации предприняла попытку восполнить этот пробел посредством реконструкции коллективной траектории поколения «долгих шестидесятых» через анализ контркультуры, включая трансатлантическое взаимодействие американской и британской андеграундных сцен. Такой подход позволил сместить акцент с политического активизма на культурные и повседневные протестные практики, формировавшие новые модели нонконформистской идентичности.

Важное значение для решения исследовательских задач также имела *теория культурного трансфера* (М. Эспань), позволившая охарактеризовать способы и формы распространения идей и практик между различными культурными средами. Трансфер рассматривался как динамичный процесс отбора, передачи и восприятия, при котором заимствованные элементы адаптировались к нормам принимающего

общества, переживая процесс трансформации и переосмысления. Применение данной теории позволило рассматривать контркультуру не как статичный «продукт экспорта», а как гибкую дискурсивную систему, меняющуюся в процессе взаимодействия акторов (в нашем случае представителей британской и американской контркультурных сцен).

Для построения коллективной биографии поколения «долгих шестидесятых» и анализа культурного трансфера также применялась *акторно-сетевая теория* (Б. Латур), согласно которой культурные феномены рассматриваются как результат взаимодействия широкой сети акторов, включающей как людей, так и «нечеловеческих акторов» (“non-human actors”). Такой подход позволил показать, что контркультурные идеи распространялись и трансформировались через систему формальных и неформальных связей. В данном смысле акторно-сетевая теория сближалась с *теорией имплицатур* (Г. Грайс), в которой скрытые ожидания участников коммуникации оказывают порой большее влияние на формирование общего смысла, чем явное содержание. Таким образом, в контексте контркультуры успешное восприятие идеи зависело не столько от ее истинности или рациональной обоснованности, сколько от соответствия ожиданиям сообщества, а также от личности того, кто эту идею транслировал.

Среди методов текстологического анализа ключевое место занимал дискурс-анализ. Под дискурсом в диссертации понималась совокупность высказываний, связанных с определенной темой и формирующих особую систему знания (М. Фуко). В исследовании выделяются три макродискурса – конформистский, формировавшийся посредством государственной риторики и СМИ, ориентированных на старшее поколение, нонконформистский, возникший в молодежной среде и объединяющий как контркультуру, так и «Новых левых». В то же время специфика контркультуры рассматриваемого периода заключалась в формировании общего американо-британского дискурса протеста, в рамках которого происходило конструирование новых форм самовыражения, моделей поведения и ценностных систем. Применение дискурс-анализа позволило выявить репертуары смыслов и риторических стратегий, характерных для этих дискурсов, даже в том случае, если они встречаются в текстах различной видовой характеристики и адресованы разной аудитории.

Теоретико-методологическая база диссертации позволяет говорить о том, что до настоящего времени в историографии подобный подход к изучению

контркультурных движений не применялся, что наряду с источниками и избранным ракурсом обуславливает новизну диссертационного исследования.

Научная новизна диссертации:

1. междисциплинарная по своему характеру методология с опорой на исторические методы исследования способствовала размежеванию движения «Новых левых» и контркультуры, что дало возможность вывести ее из «тени» политического активизма и придать ей самостоятельный протестный статус в определенную историческую эпоху;
2. конструктивистский подход позволил охарактеризовать роль контркультурных сообществ как «внутренних Других», принимавших участие в конструировании не только нонконформистского, но и конформистского дискурсов идентичности в США и Великобритании в конкретный исторический период;
3. использование постпозитивистской методологии помогло представить контркультуру как повседневную протестную практику, отличающуюся от политических форм активизма, но при этом сохраняющую реальное влияние на реформирование общества и переосмысление его Я-концепции;
4. привлечение теории «установки и окружающей среды» обеспечило выявление объективных и субъективных причин возникновения контркультурного протеста в период «долгих шестидесятых» в американском и британском обществах;
5. концепция поколения «долгих шестидесятых» легла в основу предложенной автором матрицы трансатлантических контркультурных паттернов в США и Великобритании;
6. теория культурного трансфера дала возможность объяснить причины принятия и отторжения американских контркультурных моделей повседневного протеста в качестве референтных в инациональных контекстах и влияние реверсивных процессов;
7. применение акторно-сетевого анализа использовалось для создания авторской карты взаимодействий между контркультурными акторами по обе стороны Атлантики в период «долгих шестидесятых».

Положения, выносимые на защиту:

во-первых, конформистское общество в США использовало образ контркультуры как «внутреннего Другого» для закрепления доминирующей идентичности в качестве «нормальной», патриотичной и социально приемлемой;

во-вторых, будучи целостной системой с характерной для нее идентичностью американская контркультура формировалась на основе выработанных «элитой» нормативно-ценностных установок и особой поведенческой эстетики;

в-третьих, в отличие от «Новых левых» представители американских контркультурных движений смещали фокус протеста с политического активизма на протестные поведенческие практики в повседневной жизни, с коллективного и массового на субъективное и внутриличностное, оказывая тем самым влияние на расширение форм репрезентации протеста в целом и внося свой вклад в эволюцию культуры реформизма в национальном и трансатлантическом контекстах;

в-четвертых, американо-британский контркультурный протестный дискурс формировался благодаря взаимодействию индивидуальных и коллективных акторов, объединенных формальными и неформальными связями в единую сеть, а контркультурные идеи при этом не оставались статичными, изменяясь в зависимости от национального и инационального контекста и конкретного участника;

в-пятых, в то время как американская контркультурная «элита» стремилась к созданию альтернативной повседневности в качестве формы протеста, представители британского андеграунда действовали в логике выборочного неприятия доминировавшей культуры большинства;

в-шестых, в результате культурной переработки в британском обществе были восприняты лишь нейтральные аспекты американской контркультуры в качестве продукта трансфера, например, стиль и музыка, поскольку сама контркультура как целостная альтернативная система оказалась уникальным национальным опытом США.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что его результаты расширяют горизонты исследования молодежных движений «долгих шестидесятых» и актуализируют изучение аполитичного крыла молодежного протеста с учетом трансфера идей и протестных практик.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «**Феномен американских контркультур: идеалы и приоритеты бунтующей молодежи**» посвящена характеристике американских контркультурных движений как динамичной и сложной системы, обладающей внутренней иерархией, собственными механизмами воспроизводства идей и

способностью адаптироваться к изменяющимся социально-политическим и культурным условиям.

Первый параграф *«Введение в исторический контекст американского контркультурного протеста 1950-х – 1960-х гг.»* нацелен на выявление предпосылок формирования молодежной «отчужденности» в условиях международных вызовов эпохи холодной войны, таких как ядерная угроза и милитаризация общественного сознания, а также внутренних – связанных с критическим осмыслением в молодежной среде послевоенного экономического роста, становлением «общества изобилия» и риторики возвращения к традиционным американским ценностям. Особое внимание уделялось противоречию между декларируемым идеалом стабильности, материального благополучия и социальной предсказуемости и реальным опытом молодежи, для которой данный социальный сценарий воспринимался как ложный. Наряду с этим автор брала в расчёт психологические факторы, сформированные детским и семейным опытом, спецификой социализации в условиях конформизма «тихих 1950-х», а также реакцией на систему социальных ожиданий и норм, которая навязывалась конформистской культурой большинства. На основе проведенного анализа были выявлены предпосылки молодежного недовольства и протестных настроений, оказавших влияние на формирование контркультурного движения в конкретном историческом контексте.

Во втором параграфе *«Анатомия битничества: от литературы до социальных протестов»* анализируются ключевые элементы «нового видения» как особой протестной концепции, которая не была оформлена в виде программного манифеста, однако находила свое отражение в художественных текстах представителей «разбитого поколения» и практиках повседневности. Исследование показало, что нонконформистский дискурс битников формировался на пересечении двух неразрывно связанных уровней – литературного и социально-поведенческого. В первом случае «новое видение» выражалось в стремлении разрушить устоявшиеся каноны творчества: в намеренном отказе от литературных традиций, в использовании сленга и обценной лексики, а также в обращении к табуированным темам. Тем самым литература становилась формой сублимации личного опыта, способом осмысления внутреннего кризиса и конструирования идентичности самих представителей «разбитого поколения». На социально-поведенческом уровне основное внимание битников фокусировалось на борьбе

против конформистского общества в целом. Это проявлялось в отказе от традиционной модели семьи и гендерных ролей, в пересмотре отношения к телесности и сексуальности, а также в повышенном интересе к восточным религиозным и философским практикам, в частности, буддизму как альтернативе пуританскому конформизму. В совокупности эти установки способствовали формированию моделей, которые в последующем оказали непосредственное влияние на становление хиппи как более массового молодежного контркультурного движения 1960-х гг.

В третьем параграфе *«Как хиппи изменили социальный и политический ландшафт США: от фантазий к реальности»* исследуются ключевые идеи и практики сообщества хиппи 1960-х гг. Объектом авторского анализа стали их представления об идеальном обществе, изложенные на страницах одной из центральных контркультурных газет Западного побережья в период «долгих шестидесятых» – “San Francisco Oracle”. Утопический проект движения предполагал создание альтернативной модели социального устройства, основанной на принципах коллективного существования и являющейся неким подобием «некоммерческой религиозной организации» – объединения, основанного на общих духовных ценностях и поиске трансцендентного опыта. Выбор «лидерами» именно такой модели, по их словам, был обусловлен в том числе и прагматическими соображениями. Предполагалось, что данный религиозный статус сможет обеспечить коммунам определённую государственную защиту на федеральном уровне и уровне штатов, включая налоговые льготы, право на получение пожертвований и большую автономию. Это позволило бы легализовать альтернативный образ жизни хиппи и закрепить его существование в правовом поле, не отказываясь при этом от процесса «выпадания» из доминирующей социальной и экономической системы.

Подобные идеи не были и не могли быть реализованы в полной мере, однако они способствовали появлению новых повседневных практик социального и духовного поиска (как утопических, так и опережавших свое время). В экономической сфере это выражалось в отказе от денег и использовании системы товарного обмена, получившей развитие в деятельности коммуны «Диггеры»; в социальной – в распространении коммунального образа жизни и практик «свободной любви»; в духовной – в обращении к психоделическому опыту как средству достижения трансцендентных состояний сознания и интересе к

альтернативным формам религиозного и мистического опыта, прежде всего, к буддизму, а также к ритуалам коренных американцев. При этом в идейных установках хиппи прослеживалась прямая преемственность с ценностными ориентирами представителей «разбитого поколения», но в более радикальном варианте.

Проведенное исследование позволило автору выявить внутреннюю неоднородность движения и наличие устойчивой иерархии внутри контркультурного сообщества. Так, существовало разделение между узким кругом философски ориентированных «лидеров», которые формировали и тиражировали модели контркультурного духовного и социального обновления, и значительно более широкой массовой аудиторией хиппи. Последние не всегда были готовы к глубокому теоретическому или экзистенциальному осмыслению предложенных идей, однако активно воспроизводили внешние формы протеста – стиль одежды, поведенческие практики и символику хиппи. Подобное расслоение способствовало постепенному размыванию первоначальных смыслов движения по мере его популяризации и включения в массовую культуру.

В четвертом параграфе *«Реакция конформистского общества на контркультурные движения в США»* охарактеризованы ответные реакции на контркультурный повседневный протест на трех уровнях – семейном, медийном и государственном. Это позволило выявить то, каким образом в процессе противостояния с контркультурой формировалась собственная идентичность конформистского большинства, основанная на представлениях о «нормальности», патриотизме и социальном порядке. На семейном уровне контркультурный протест воспринимался как угроза устойчивости традиционной семейной модели, что выражалось в межпоколенческом конфликте и усилении родительского контроля над молодежью. В медиасреде через устойчивые визуальные клише и акцентирование девиантных и маргинальных проявлений контркультуры, порой гиперболизированных, формировались репрезентации контркультуры как источника моральной деградации, социальной нестабильности и угрозы национальным ценностям. Официальный ответ на государственном уровне сводился к использованию правовых механизмов с целью пресечения распространения контркультурных практик.

В ходе анализа были выявлены два основных фактора, усиливавших маргинализацию контркультуры в ее развитии от битников к хиппи. Во-первых,

возрастной состав участников движений: если битники и их сторонники в основном состояли из представителей студенческой среды (20 лет и старше), то под влияние «лидеров» хиппи попадали несовершеннолетние подростки (от 15 лет). Это повышало уровень озабоченности в обществе и способствовало еще большей маргинализации контркультуры. Во-вторых, степень радикализации и масштаб вызова: чем более радикальным и противоречащим традиционным нормам оказывался контркультурный протест, тем жестче была реакция конформистской среды. Одновременно с этим по мере смещения общественного внимания на более радикальное и визуально заметное движение хиппи происходила постепенная «реабилитация» образа битников. В публичном дискурсе они все чаще воспринимались как относительно приемлемые интеллектуалы и представители богемы, сосредоточенные на художественном, философском и экзистенциальном осмыслении действительности, что контрастировало с более вызывающими практиками хиппи. Такой сдвиг подчеркнул относительный характер маргинализации и продемонстрировал, что границы допустимого в общественном сознании формировались ситуативно в зависимости от степени угрозы, которую то или иное движение представляло для доминирующей системы ценностей.

Вторая глава **«Эстетика британского андеграунда: разочарование и бунт»** посвящена Великобритании как объекту трансатлантического контркультурного трансфера. Британский андеграунд рассматривался не как пассивный реципиент, а как самостоятельная культурная система, обладающая внутренней иерархией и противоречиями, а также национальной спецификой развития молодежной протестной среды. Это позволило выявить механизмы принятия, адаптации и отторжения, заимствованных американских контркультурных образцов.

В первом параграфе *«Введение в исторический контекст послевоенной Великобритании: особенности социально-экономического развития во второй половине 1940-х – 1950-х гг. и конфликт поколений»* представлена характеристика тенденций развития британского общества, обуславливавших в послевоенный период формирование молодежного нонконформизма. При изучении британского андеграунда автор опиралась на теорию об «изобилии», «консенсусе» и «обуржуазивании», расширяя ее рамки и применяя не только к субкультурам 1950-х гг., но и к британскому андеграунду в целом. В результате проведенного анализа были выявлены коллективные и индивидуальные факторы, способствовавшие формированию «отчужденности» британской молодежи и

оказавшие влияние на возникновение британского андеграунда. Так, автор выделяет феномен «общества изобилия», социальный консенсус в отношении поддержки действий правительства как гаранта стабильности и защищенности и либерализацию нравов, т.е. постепенный отказ от викторианских моральных норм и усиление ценности личной свободы. Существенную роль также играл страх перед ядерной угрозой, усиливавший ощущение неопределенности. К индивидуальным факторам отнесены поиск новой идентичности в рамках формирующейся «бесклассовой молодежной среды» и страх утраты семейных и классовых связей.

Во втором параграфе «*Литературное движение “Разгневанных молодых людей”*» оно вписано в контекст внутреннего деления британского андеграунда на «национальный» и «трансатлантический» уровни. Объектом внимания автора стало литературное выражение молодежного нонконформизма, связанное с классовыми барьерами, фактическим отсутствием социальной мобильности и кризисом идентичности. Характерной особенностью повседневного протеста «разгневанных молодых людей» была его ограниченность: достигнув определенной степени признания в обществе, многие представители данного движения постепенно отказывались от радикальной критики. В результате их нонконформизм носил преимущественно индивидуализированный характер и был направлен не столько на трансформацию социальной системы как таковой, сколько на улучшение собственных социально-экономических позиций внутри существующего порядка.

В третьем параграфе «*Тедди-бои и формирование андеграунда*» указанное движение рассматривалось как пример массового молодежного андеграундного протеста. Его специфика проявлялась прежде всего в формировании ярко выраженной поведенческой идентичности, служившей маркером групповой принадлежности: использование эдвардианского костюма, а также особой манеры речи, насыщенной сленгом и элементами уличного жаргона. При этом тедди-боев нельзя в полной мере отнести к контркультуре: их эстетика тяготела к образу «новой молодежной аристократии», а формы выражения протеста зачастую сближали их с уличными криминальными группировками. И что принципиально важно, они не стремились к трансформации системы, а поддерживали культуру потребления и активно следовали модным тенденциям. Но тем не менее, тедди-бои стали важной частью британской андеграундной сцены 1950-х гг. и заложили предпосылки для ее последующей трансформации. Кроме того, опыт тедди-боев

наглядно продемонстрировал, какие элементы американских контркультурных движений будут впоследствии восприняты в британской среде, а какие окажутся отторгнуты.

Четвертый параграф *«Реакция британского общества на развитие андеграунда»*, по аналогии с первой главой данного исследования, посвящен анализу конформистского ответа на андеграундный протест, но на этот раз в Великобритании. Автор выявила сходство с американской моделью ответной реакции: степень маргинализации и общественного неприятия напрямую зависела от возраста участников движения, а также от способов выражения протеста. Наиболее жесткой стигматизации подвергались тедди-бои, поскольку данное движение объединяло преимущественно подростков, склонных к криминализированным формам несогласия, вследствие чего они воспринимались как угроза общественной безопасности, а также господствующим ценностям и моральным нормам послевоенной Британии. В отношении же «разгневанных молодых людей» негативное восприятие со стороны конформистского большинства сводилось чаще всего к критике отсутствия идейного единства.

В третьей главе **«Коллективный портрет представителей контркультурных движений в США и Великобритании во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг.»** внимание автора сосредоточено на формировании коллективного портрета контркультурного поколения «долгих шестидесятых» по обе стороны Атлантики.

В первом параграфе *«Репертуар идей в трансатлантическом дискурсе контркультур: от американских хиппи до британских модов»* анализируется процесс трансфера идей американской контркультуры в Великобританию с учетом специфики национального контекста и уже существовавших форм молодежного андеграунда. Автор продемонстрировала, какие именно элементы американской контркультуры были восприняты британской андеграундной средой, в каких формах осуществлялось их заимствование, каким образом они адаптировались к местным социальным, культурным и классовым условиям. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что британский контркультурный протест приобрел эстетические и визуальные формы, нашедшие выражение в новых стилях одежды и музыки. В свою очередь, отторжение американского опыта выражалось в возвращении к британским национальным символам и движениям. Стоит отметить, что такая ключевая для американской контркультуры практика повседневного

протеста как «выпадание» из доминирующей социальности (“dropping out”) вообще не получила распространение в Великобритании в силу национальных особенностей развития в определенный исторический период.

Второй параграф *«Сеть национальных и трансатлантических взаимодействий американских контркультур»* посвящён изучению того, каким образом идеи, эстетические коды и модели повседневного протеста распространялись как внутри США, так и за их пределами. На основе акторно-сетевого анализа прослеживаются разнообразные траектории взаимодействий: через личные знакомства писателей, музыкантов и художников, деятельность коммун и музыкальных групп, а также через «узлы сети» (университеты, бары, галереи, фестивали) как пространства пересечения и обмена идеями. Особое внимание уделено тому, каким образом американские контркультурные практики, от литературных поисков битников до психоделических опытов хиппи, попадали в Великобританию. Через анализ этих трансферов удалось восстановить структуру национальных и трансатлантических связей, выявить механизмы формирования общего англо-американского контркультурного пространства и дискурса протеста, а также показать, как взаимодействие акторов по обе стороны Атлантики способствовало усложнению и разрастанию контркультурной сети ко второй половине 1960-х гг.

На основе проведенного сетевого анализа автор предложила оригинальную периодизацию развития американского контркультурного движения через изменение состава сети, плотности связей и масштабов взаимодействия. В качестве пролога был выделен «нью-йоркский» период (1943–1954), связанный с возникновением первой интеллектуальной и писательской элиты битников. На данном этапе формировались устойчивые дружеские и творческие связи между ключевыми акторами, складывались базовые философские и эстетические установки контркультуры, а также модели нонконформистского поведения, впоследствии воспроизводившиеся в более широком масштабе. Следующий этап, «сан-францисский» (1954–1964), характеризовался расширением сети взаимодействий и перемещением контркультурного центра на Западное побережье США. В этот период усиливалось влияние битников, их идеи выходили за рамки узкого круга друзей и активно тиражировались в молодежной нонконформистской среде. Кроме того, именно тогда происходило формирование хиппи-сообщества, для которого характерно усиление коллективных практик, развитие

коммунального образа жизни и радикализация повседневного протеста. Завершающий этап, «трансатлантический» (вторая половина 1960-х гг. – 1973 г.), ознаменовал выход контркультуры на мировой уровень. В этот период идеи и практики американских контркультур стали активно воспроизводиться за пределами США – в Великобритании и в других странах Западной Европы.

Третий параграф *«Наследие американских контркультур от современников к современности»* посвящен осмыслению контркультурного наследия в исторической перспективе вплоть до современности. Особое внимание уделяется двойственности его восприятия: с одной стороны, в современном обществе образ хиппи по-прежнему остается маргинализированным, с другой – отдельные практики, ранее считавшиеся радикальными, постепенно интегрируются в повседневную жизнь. Так, концепция сексуальной свободы и телесной автономии в последующем получила широкое распространение в американском обществе, а использование психоделических веществ в терапевтических целях прошло путь от криминализации к частичной легитимации и научному признанию. Это случилось в том числе и благодаря деятельности «Междисциплинарной ассоциации психоделических исследований» (“Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies”), которую на данный момент возглавляет ученый Р. Доплин, и одобрению отдельных направлений исследований со стороны «Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США» (“U.S. Food and Drug Administration”). Даже экологическое мышление, ранее связанное с утопическими представлениями о «возвращении к природе» и «ухода в лес», превратилось в социально одобряемую норму, а эстетика переработки и вторичного использования стала частью как высокой моды, так и повседневного поведения. По мнению автора, все это подтверждает мысль о том, что контркультура не исчезла с завершением периода «долгих шестидесятих», а трансформировалась, утратив первоначальную радикальность, но при этом сохранив способность оказывать влияние на ценностные установки и повседневные практики в современном мире.

В заключении представлены основные **выводы** исследования.

Во-первых, идентичность общества «долгих шестидесятих» в США формировалась посредством противопоставления Я-Другой. Нонконформисты осознанно противопоставляли себя пуританским установкам и социальным нормам «тихих 1950-х», которые характеризовались расцветом общества потребления,

господством традиционных семейных ценностей и консервативной религиозности. В поисках новых смыслов и форм бытия представители контркультур обращались к альтернативным системам ценностей – буддизму, шаманским ритуалам коренных американцев, наследию европейской богемы. Параллельно белое конформистское большинство противопоставляло себя маргинальным нонконформистам, преувеличивая степень их радикальности и угрозу «привычному укладу жизни», тем самым укрепляя представление о собственном мировоззрении как о доминирующем и легитимном.

Во-вторых, несмотря на сохраняющееся в историографии стремление объединить контркультуру с политическим радикализмом 1960-х гг. (рабочими и студенческими протестами), между ними существовали принципиальные различия. «Новые левые» были ориентированы на политический активизм: они стремились реформировать существовавшую систему легальными методами: изменить институты власти, добиться прав для расовых меньшинств, а также большей социальной справедливости в целом. Их протест носил ярко выраженный политический характер, подкреплялся программами действий и объединял различные социальные группы – студентов, рабочих, интеллектуалов, темнокожих американцев и женщин.

В свою очередь, контркультура представляла собой преимущественно моральный и повседневный протест. Ее представители сознательно отказывались от участия в системе, не пытаясь ее реформировать: они отвергали образование, работу, буржуазную модель семьи и пригородный быт, вместо этого выбирая жизнь в коммунах, духовные практики, путешествия в Индию, бедность как альтернативу комфорту и бездумному потреблению. Их протест выражался не в лозунгах или политических программах, а в стиле жизни, в попытке создать собственную реальность за пределами доминировавшей культуры. Более того, отношение представителей контркультуры к политике сводилось к превращению ее в перформанс, где само участие становилось ироничным жестом (например, баллотирование психоделического гуру у одного из «лидеров» контркультуры Т. Лири в губернаторы Калифорнии в 1969 г.). Именно поэтому они не смогли объединиться с «Новыми левыми», которые рассматривали протест как инструмент реальных социальных изменений.

Наконец, контркультура оставалась социально и расово избирательной. В «элиту» входила преимущественно белая молодежь среднего класса, обладавшая

ресурсами для «добровольного выпадания» из доминирующей социальности и не столь дискриминируемая, чтобы встроиться в активный политический протест. «Элита» была закрытым сообществом, определявшим правила принадлежности, нормы поведения и санкции за несоответствие им.

В-третьих, разведение «Новых левых» и контркультуры имеет принципиальное значение для исследования истории протестных движений XX в. в целом, поскольку позволяет вывести контркультуру из «тени» политического активизма и придать ей самостоятельное историческое звучание. Несмотря на отказ от политической борьбы в прямом смысле, ее представители заложили ценностную и культурную основу будущих социально-политических трансформаций, изменив представления о свободе, индивидуализме и общественных нормах. Их вклад заключался в переопределении самой идеи свободы, в пересмотре моделей повседневного поведения и в создании новых форм коллективной идентичности, что впоследствии стало неотъемлемой частью жизни современного американского общества.

В-четвертых, сравнивая коллективные (холодная война, страхи ядерного Апокалипсиса, Война во Вьетнаме, рост недоверия к государственным институтам в целом) и индивидуальные (утрата близких в годы Второй мировой войны, страх призыва, переживание одиночества, последствия гиперопеки и дефицита отцовского внимания) факторы, оказавшие влияние на зарождение нонконформистских настроений, можно сделать вывод о том, что вторые, обусловленные психологическими и семейными травмами, оказывались не менее (а иногда и более) значимыми для формирования контркультурных установок. На фоне внешне благополучного общества изобилия, воспевающего стабильность и «нормы приличия», молодежь воспринимала доминирующую культуру как лживую и отчуждающую. Это и становилось мотивом для «выпадания» (“dropping out”) из системы и создания альтернативного сообщества, построенного на основе принципов безусловного принятия, эмоциональной близости и доверия. Следовательно, контркультурный протест был не только реакцией на политические и социальные конфликты эпохи, но и попыткой преодоления личного кризиса идентичности, порожденного послевоенным поколенческим конфликтом.

В-пятых, контркультура «долгих шестидесятых» не являлась единым монолитным движением – это было сложное, внутренне противоречивое сообщество. Группы отличались друг от друга степенью радикальности и

социально-политической вовлеченности, образом жизни и духовными ориентирами. В то время как одни уходили в медитации и пытались осознать пережитый психоделический опыт, другие – строили экономически замкнутые коммуны, а третьи – использовали контркультуру как пространство творческой, чаще всего музыкальной и писательской свободы.

Кроме того, важную роль играли личные связи и неформальные сети: выбор между принадлежностью к контркультуре или к «Новым левым» зачастую определялся дружбой, любовными отношениями, а также участием в совместных проектах – от организации фестивалей и акций, до коллективного проживания и издания книг. Эти связи становились основным механизмом распространения идей и расширения сообщества. При этом, несмотря на декларируемый антиавторитаризм, внутри движения складывалась своя элита, состоявшая из писателей, музыкантов, философов, которые, отрицая лидерский статус, обладали огромным авторитетом и фактически направляли развитие движения. Таким образом, вопреки заявленному идеалу равенства контркультура воспроизводила классические внутренние структуры власти и авторитета, пусть и в измененной и менее конформистской форме.

В-шестых, благодаря формированию коллективной биографии представителей контркультурной элиты была предложена авторская периодизация развития американской контркультуры. Первый этап, условно обозначенный как «прологовый» или «нью-йоркский» (1943–1954), был связан с формированием богемной среды в барах и кофейнях в районе Гринвич-Виллидж, недалеко от Колумбийского университета, где учились основатели бит-движения – А. Гинзберг, Дж. Керуак и У. Берроуз. Второй, «сан-францисский», этап (1954–1964) начался с переезда А. Гинзберга на западное побережье и ознаменовался ростом влияния битников, расширением сети акторов и формированием хиппи-сообщества. Третий этап, «трансатлантический», пришелся на вторую половину 1960-х гг., когда, с одной стороны, началось активное проникновение британского культурного влияния в США («Британское вторжение»), а с другой – благодаря «тропе хиппи» и другим формам межкультурного взаимодействия – американские идеи начали распространяться в Европе. Завершением этого этапа и всей классической фазы контркультуры можно считать наступление так называемого «похмелья 1970-х» (примерно в 1973 г.).

В-седьмых, американская контркультура была воспринята британским обществом не как цельное протестное движение, а фрагментарно. Философия «выпадания» из системы, построения автономных сообществ, постоянного перемещения («рюкзачная революция»), отказа от традиционной семьи, свободной любви и гомосексуальности как форм протеста остались за пределами восприятия британской молодежи. Причина заключалась в том, что все вышеперечисленное стало порождением американского социокультурного контекста, а в британском обществе для формирования протеста подобного рода отсутствовала почва.

Вместо этого американская контркультура была воспринята как эстетическое направление через музыку, моду, визуальный облик, став для британской молодежи способом самовыражения посредством стиля, а не социальных или политических взглядов. Подобный механизм рецепции наблюдался и ранее, в 1950-е гг., когда тедди-бои заимствовали американскую культуру преимущественно через эстетические формы: джаз, рок-н-ролл и тонкие галстуки.

В-восьмых, анализ структуры контркультурной сети продемонстрировал, что наибольшим авторитетом продолжали пользоваться представители первой и, частично, второй волны: ранние битники (А. Гинзберг, Дж. Керуак и У. Берроуз), Т. Лири, К. Кизи – лидер коммуны «Веселые проказники», а также “The Beatles” как первая музыкальная группа, осуществлявшая трансатлантический трансфер. Именно эти акторы заложили идейную основу контркультуры. Представители «новой элиты» третьего этапа, несмотря на широкую известность среди массовой аудитории, в большинстве своем не вносили принципиально новых идей, в лучшем случае транслируя существовавшие концепции. Иногда они и вовсе отходили от философской составляющей, превратив контркультуру в пространство гедонизма и отказавшись от глубокой социальной рефлексии.

В целом, проведённое диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения контркультуры в пространственном и временном измерениях. Одним из направлений может стать анализ преемственности между нонконформистами «долгих шестидесятых» и последующими протестными движениями в США, Великобритании и других странах. Характерным примером здесь является Франция после событий мая 1968 г., где политические радикалы обратились к американским контркультурным протестным практикам. Это ярко проявилось на страницах журнала “Actuel”,

публиковавшего произведения битников, хиппи и радикальных феминисток (например, “SCUM Manifesto” В. Соланос).

Не менее перспективным направлением представляется изучение культурных трансферов, связанных с восприятием американо-британского контркультурного протестного дискурса в СССР периода «оттепели» и «застоя». Это позволит выявить транснациональные механизмы циркуляции идей и символов, а также степень их адаптации в принципиально иных социально-политических и культурных условиях. Кроме того, значительным потенциалом для будущих исследований обладает изучение наследия контркультуры и двойственности его восприятия, затронутое в последнем параграфе третьей главы. С одной стороны, в массовом и общественном дискурсе по-прежнему сохраняется маргинализированный образ хиппи, ассоциируемый с наркотиками, промискуитетом и отказом от трудовой и семейной этики. Этот стереотип, сложившийся ещё в конце 1960-х гг. в рамках конформистского нарратива, до сих пор воспроизводится в культуре и публичной риторике. С другой стороны, многие практики, характерные для контркультурного протеста, были деполитизированы и интегрированы в либеральный мейнстрим, например, экологическая повестка, идеи устойчивого потребления, сексуальная свобода, пересмотр семейных ролей и даже использование психоактивных веществ в терапевтических целях.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в следующих работах автора общим объемом 3,76 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных в ВАК РФ по специальности:

1. Роговцева А.С. Феномен «психоделического ренессанса» в современных США // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 1. С. 109-123 (0.85 п.л.).

2. Роговцева А.С. Деятельность Междисциплинарной ассоциации психоделических исследований как пример современной научной дипломатии США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021119-9-1/> (0.85 п.л.).

3. Роговцева А.С. Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятих» в трансатлантическом контексте // Вестник РГГУ. Серия:

Политология. История. Международные отношения. 2024. № 2. С. 116-133 (0,90 п.л.).

4. Роговцева А.С. Исследование телесности в контексте контркультурных движений США: динамика и конформистский ответ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 2 (148). URL: <https://history.jes.su/s207987840034838-0-1/> (1,16 п.л.).

Статьи, опубликованные в прочих научных изданиях:

5. Rogovtseva A.S., Bannikova N.V. Psychedelic Performance in the US (1960s) // IN LINGUA VERITAS. Сборник статей по материалам студенческих научных семинаров. Под редакцией О.В. Павленко. Москва, 2021. С. 343-353.